

УДК 008: 654.1 (571)

Н.В. Хисамутдинова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Искусство – массам: роль радио в приобщении советского человека к литературе и искусству в 30-е гг. XX в.

В статье раскрываются особенности использования радиовещания для повышения культурного уровня населения СССР в 30-е гг. XX в. Данный период является показательным в этом отношении. С одной стороны, уровень радиофикации позволил к этому времени охватить влиянием радио наибольшую часть страны. С другой – государству понадобились ресурсы радио для пропаганды партийных решений и мобилизации широких народных масс на выполнение планов индустриализации. Рычагом для этого было выбрано литературно-художественное вещание как наиболее привлекательное для радиослушателя по тематике. В середине 1930-х гг. ему отводилось больше времени, чем всем остальным передачам, – 57,1% от общего объема вещания. Регулярными были трансляции по радио опер и концертов, инсценировки литературных произведений, художественное чтение. Благодаря этому радио стало самым популярным видом досуга, что позволяло использовать его как надежного проводника политики партии и правительства. В то же время, несмотря на жесткую централизацию, идеологическое давление и цензурные ограничения, радио в 1930-е гг. успешно выполняло и другую функцию, культурно-просветительскую. Оно приобщало советских людей к культурным ценностям и стало для них главным источником знаний о культуре и искусстве. Статья основана на воспоминаниях сотрудников Приморского радио указанного периода, архивных материалах, публикациях профессиональных журналов, что дало возможность рассмотреть тему в широком социальном и общественно-политическом контексте.

Ключевые слова и словосочетания: радиофикация, Приморское радио, литературно-художественное вещание, идеологизация радиовещания, культурно-просветительская функция.

N.V. Khisamutdinova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Art to Popular Masses: Role of Radio in Art and Literature Promotion to Soviet People in the 1930s

The article describes how radio broadcasting was used to raise the cultural level of the USSR population in the 1930s. This period is indicative in this respect. On the one hand, by that time,

---

Хисамутдинова Наталья Владимировна – д-р ист. наук, профессор каф. межкультурных коммуникаций и переводоведения; e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

the level of radio communication allowed to cover with radio influence nearly the whole territory of the country. On the other hand, the Soviet government needed radio resources to propagandize Communist Party decisions and mobilize the broad masses of people to implement the industrialization plans. Literary and artistic broadcasting, as the most attractive for radio listeners, was chosen for this goal. In the mid 1930s these aspects were given more time than all other broadcasts – 57.1% of the total broadcasting time. Literary and musical themes covered all age categories of radio listeners and broadcasting genres. Radio broadcasts of operas and concerts, literary performances, and artistic reading were regular. Thereby, radio became the most popular leisure for Soviet people, which allowed using this means of communication as a reliable guide for the Party and government policies. At the same time, along with this function, the radio successfully fulfilled another one, promoting cultural values to people. Despite strict centralization, ideological pressure and censorship which limited the initiative and creative activities of radio journalists, in the 1930s radio became the principal source of culture and art knowledge for Soviet people. The article is based on the memoirs of Primorsky radio employees of this period, archival materials, publications of professional journals, which allowed considering the topic in a broad socio-political context.

Keywords: radio construction, Primorsky radio, literary and artistic broadcasting, ideologization of broadcasting, cultural and educational function.

Радиовещание занимает одно из ведущих мест в арсенале средств массового воздействия. «... радиослово проникает быстрее, особенно в места далекие от столичных и областных центров, доходит даже до неграмотных и малограмотных, призвано обслуживать многомиллионную аудиторию радиослушателей», – писала газета, называя радио «одним из самых могучих орудий культурной революции» [13, с. 1]. Способность радио воздействовать на массы была взята на вооружение правительством СССР с первых лет советской власти, но лишь к середине 30-х гг. XX в. уровень радиофикации страны позволил использовать ресурсы радио с наибольшей эффективностью.

Планы завершения технической реконструкции народного хозяйства, утвержденные на XVII съезде партии (26 января – 10 февраля 1934), и планируемое превращение Советского Союза в самое передовое в техническом отношении государство в Европе потребовали всенародного энтузиазма, и радио должно было помочь его обеспечить. Примечательно, что задача пропаганды партийных решений и мобилизации народных масс на их выполнение были возложены на литературу и искусство, сферы которых раньше считались аполитичными. Литературные и музыкальные передачи были важной составной частью советского радиовещания с первых лет его существования [15, с. 104–112], но в 30-е гг. к их культурно-просветительским функциям добавилась идеологическая.

Несмотря в целом на большое внимание исследователей к проблемам развития радио, тема культурно-просветительского направления в радиовещании получила освещение в основном на всесоюзном уровне [1; 2; 10]. Вопросы регионального литературно-художественного вещания остаются недостаточно исследованными. К тому же никто из авторов не связывает усиление роли культурно-просветительских передач в 1930-е годы с идеологической функцией радио. Между

тем, выявление особенностей литературно-художественного вещания в контексте государственной политики позволяет понять методы, которые использовало государство для превращения советских людей в послушных исполнителей воли партии.

Возросшее значение радиовещания для выполнения государственных задач подчеркивает реорганизация начала 30-х гг.: от Наркомата связи радио перешло в ведение Совета Народных Комиссаров СССР. Новый председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию П.М. Керженцев (1933–1936) особо выделял роль радио как просветителя и воспитателя советских людей. Считая приобщение населения к культуре и искусству одной из сфер, где возможности радио можно использовать наиболее плодотворно, он призывал сделать радиослушание основным видом советского досуга. При вступлении в должность он выступил со статьей, содержание которой позволяет считать ее программной для развития радиовещания в Советском Союзе. «Радио и радиовещание приобрели сейчас исключительное политическое значение. Через радиовещательные станции путем докладов, сообщений, переключек ведется оперативная политическая работа по руководству крупнейшими политическими и хозяйственными кампаниями. ...Радиовещание дает трудящимся разумный отдых. Больше, чем какая-либо другая организация, радиовещание пропагандирует музыку и литературу. Радио наряду с печатью и кино является сейчас одним из мощнейших орудий коммунистического воспитания масс» [6, с. 1–2].

Новые ориентиры повлекли значительные изменения в работе местных радиостанций, в том числе во Владивостоке. 5 января 1934 г. при Приморском областном исполкоме был организован Комитет по радиофикации и радиовещанию. Им несколько месяцев руководил Николай Степанович Вижайкин, который и раньше занимался всеми творческими делами на радио, пока из Москвы на должность председателя не прибыл Владислав Иосифович Сурвилло, до этого работавший редактором Государственного издательства художественной литературы. Его имя было знакомо приморским журналистам по журналам «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», в которых регулярно печатались критические статьи Сурвилло.

С этого времени заметна тенденция к увеличению на Приморском радио количества передач, посвященных литературе и искусству. Из литературно-музыкального вещания в качестве самостоятельной выделили литературную редакцию. Работавший в ней Георгий Корешов, в прошлом матрос Дальневосточного пароходства, писал стихи и рассказы на морские темы. Первые, напечатанные в журнале «Сибирские огни», обратили на себя внимание литературных критиков и вызвали одобрительные рецензии. Затем рассказы и стихи Корешова стали печатать и центральные журналы [17]. Одной из его первых передач стал литературный вечер, на котором выступили местные авторы. В. Афанасьев, А. Артемов и А. Гай прочитали свои стихи, а прозаики А. Никулин и А. Фетисов – отрывки из новых произведений. В дальнейшем на радио старались приглашать всех литераторов, приезжавших во Владивосток [18].

В дополнение к концертам, составленным из выступлений артистов в студии или грамофонных записей, Приморское радио стало передавать выступления коллективов художественной самодеятельности. Первую подобную передачу организовали уже в 1933 г., когда в радиостудию пригласили самодеятельных артистов из сел Уссурийской области, шахтерских поселков Артема и Тавричанки, железнодорожников станций Уссурийск, Ружино и др.

Массовая доступность радио, по мнению Керженцева, делала его исключительно привлекательным для писателя, и он постоянно подчеркивал необходимость совместной работы писателей и радиокомитетов. Одна за другой в профессиональном журнале «Говорит СССР» появлялись статьи, подчеркивающие роль радио как главного пропагандиста и популяризатора литературных произведений: «О литературе на радио», «Писатель и радио», «Литдрамвещание на переломе» и т.д. Их авторы отдавали радио первенство в массовом распространении литературы и считали, что оно способно качественно улучшить художественные произведения: «...количественное распространение литературы меняет ее качество...».

«Несмотря на большой рост тиражей издательств и театров на периферии, – читаем в статье, – они еще не достигли того количественного уровня, который мог бы удовлетворить миллионные массы трудящихся. Поэтому радио и играет огромную роль, так как оно обладает средствами сообщать трудящимся самых отдаленных уголков Союза наши достижения в области художественного творчества» [4, с. 7].

Все чаще в прессе отмечалась высокая эффективность исполнения по радио литературных произведений и преимущества устного слова по сравнению с напечатанным: «Литвещание... “выпускает” свою продукцию в таком тираже, о котором и мечтать не могут наши издательства. При самых неблагоприятных условиях, при самой неудобной сетке вещания его тираж в сотни, а то и в тысячи раз превышает средний тираж советской книжной продукции, особенно в части художественной литературы... Мы уже не говорим о его огромных исполнительских, интонационных, наконец, иллюстративных возможностях (например, в распоряжении литературного вещания имеется большой музыкальный аппарат вплоть до симфонического оркестра). Необходимо также помнить о той простой истине, что слово оформленное гораздо ярче и убедительнее, чем напечатанное» [8, с. 32].

Вслед за Всесоюзным радиокомитетом, организовавшим всесоюзный конкурс чтецов, подобные конкурсы предлагалось провести и всем региональным радиостанциям, чтобы привлечь для художественного чтения на радио лучшие местные силы. Эти установки появились не случайно. На Первом съезде советских писателей (17 августа – 1 сентября 1934 г.), объединившем разрозненные местные литературные группы в Союз писателей СССР, подконтрольный коммунистической партии, была провозглашена победа социалистического реализма как главного метода советской литературы. Радио с его огромной аудиторией слушателей представлялось наилучшим проводником новой советской тоталитарной массовой культуры, эпоха которой началась после съезда писателей. Именно «ухо должно было диктовать глазу, что он должен видеть» [10, с. 21].

«Писатель, большой советский писатель – такова центральная фигура художественного радиовещания», – провозглашала пресса, а одним из основных критериев оценки литературного произведения стала пригодность его для радиоэфира [12, с. 10]. Впрочем, монтаж помогал сделать «пригодным» для пропаганды коммунистических идей любое произведение. «Радиокомпозиция оказалась чрезвычайно удобной формой для "переосмысления" литературных текстов, прежде всего через призму коммунистической идеологии. Сокращение текста, иногда совершенно искажающее первоначальный смысл, вольный монтаж эпизодов, логические и эмоциональные акценты при исполнении – все эти средства позволяли вывести “нужную” идею практически из любого произведения» [1, с. 101].

С середины 30-х гг. в эфире стали звучать первые советские радиопьесы, в том числе по мотивам классической русской литературы. Литературная редакция Приморского радио была преобразована в редакцию литературно-драматических передач. Возглавить ее из Москвы приехал известный литератор С.В. Бортник. В штате появился режиссер литературно-драматического вещания Василий Иванович Ромашов, выпускник 1-й Высшей театральной школы (Москва). По воспоминаниям современников, он обладал необычным голосом, очень музыкальным и пластичным, и мог с помощью голоса выражать настроение и состояние героя, о котором рассказывал. Среднего роста, он не сразу привлекал внимание, но стоило заговорить с ним, как все понимали, что перед ними творческая личность. Его талант оказался как никогда востребован при повышенном внимании к художественному слову и «звучащей литературе». По инициативе Ромашова при радиокомитете организовали драматический коллектив, в котором участвовали и артисты драматического театра имени М. Горького. Благодаря этому в эфире стали звучать театральные радиопостановки: сначала отдельных сцен, потом актов, и, наконец, целых пьес [19].

Керженцев добивался, чтобы литература и музыка нашли достойное место в расписании радиовещания. «Мы должны учитывать, – писал он, – что микрофон дает новые возможности в области искусства. Мы можем тут применять целый ряд специфических особенностей радиостудий, сочетания разных музыкальных инструментов или литературных текстов и т.д. и т.п. Симфонический оркестр по радио не может до сих пор передаваться в той полноценности, в которой он звучит в зале. Но литературный текст может на радио получить какую-то добавочную художественную нагрузку, которую в других условиях получить нельзя. Поэтому специфические условия мы должны изучить и использовать» [7, с. 9].

Терминология этого периода позволяет понять, насколько значимое место отводилось прослушиванию радио в жизни советских людей. Радиокомпозиции в это время стали называть «радиофильмами» и даже предлагали открыть специальные радиотеатры, где посетители, в отличие от «домашних, отвлекающих условий», могли бы слушать радиопередачи сосредоточенно, глубоко вникая в них. «Радиодраматургия сможет достичь успехов лишь тогда, когда у радио появятся не только слушатели, но и зрители, то есть когда будут созданы особые зрительские радиотеатры», – считали деятели культуры и искусства [6, с. 3].

Поощрялись такие формы радиопередач, как радиодискуссии писателей с читателями и критиками, репортажи с заводов и фабрик о встречах писателей

с рабочими. А музыка, по мнению Керженцева, должна была органично входить во все передачи: «Опыт показал, что наиболее доступным для слушателя, наиболее любимым видом передач является соединение литературного чтения с музыкальным сопровождением, сочетание литературы и музыки» [9, с. 33].

Всесоюзный радиокомитет и местные органы позаботились не только о кадрах, но и о материальной стороне радиовещания в Приморье. Бюджет Приморского радиокомитета значительно вырос, в 1935 г. ему было предоставлено новое, более просторное помещение – двухэтажный дом по ул. Первого Мая, 14 (ныне ул. Петра Великого), примерно в том месте, где сейчас находится театр имени М. Горького. Это позволило в 1935 г. создать при радио симфонический оркестр из 25 музыкантов, собравший лучшие творческие силы Владивостока. Первым дирижером стал Н. Симонов, а его сын Борис – первой скрипкой. Вместе с оркестром укрепился и расширился хор Приморского радио под руководством Д.Н. Ермолаева, из которого позже вышли солисты-вокалисты высокой квалификации Строганова, Кулакова, Темен, Пущин, Волошинова, Коропотницкая. При радиокомитете работали три пианиста-концертмейстера. Несколько позже был создан и оркестр народных инструментов.

Совместно с оркестром под управлением Д. Пекарского, работавшего раньше в театре музыкальной комедии, даже попробовали поставить оперу «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, и это удалось. Затем музыканты осуществили еще несколько оперных постановок, приглашая профессиональных певцов. М. Волошинова вспоминала: «Оперного театра во Владивостоке не было, и радио делало очень большое дело, неся людям высокое искусство и прививая музыкальную культуру. Владивостокцы полюбили наши оперные постановки, а мы старались полнее раскрывать прелесть музыкальных произведений» [16].

Все культурно-просветительские радиoprogramмы создавались в соответствии с общей государственной политикой того времени. Постановление Всесоюзного творческого совещания (8–13 апреля 1934 г.), на котором обсуждались задачи художественного радиовещания, призывало радио «показать борьбу за вторую пятилетку, соцстроительство, разоблачать классовых врагов пролетариата и их пособников, дать образы героев-ударников полей и заводов, биографии крупных борцов за освобождение пролетариата и т. д.», используя различный художественный материал: музыку, очерки, пьесы, фельетоны и т.д. [11, с. 17–23].

От сотрудников радио стали требовать интерпретацию музыкальных произведений, включая классические, с позиций коммунистической идеологии. Все радиоконцерты предварялись вступительным словом в исполнении диктора или музыковеда, задачей которых было донести до радиослушателя «правильную» идею произведения, указать на тот настрой, который должен создаваться при прослушивании музыки: «Слушателю необходимо указывать на настроения и чувства, которые заложены в данном произведении, вскрыть социальные корни этих чувств и идей...» [9, с. 33].

Не только содержание, но и манеру исполнения определял ритм первых пятилеток. «Пора создать советский стиль исполнения музыкальных произведений, – писала пресса. – Принять за правило, что тягучесть звука – враг нашего

времени; нам нужны бодрые крепкие темпы. В вокальном искусстве доминирующую роль должен играть текст, музыка только иллюстрирует текст. В пении ясно произносить слова, особенно согласные буквы. ...В оркестрах не злоупотреблять вибрациями, которые создают даже у солистов плаксивость» [2, с. 107].

В середине 1930-х гг. художественному вещанию отводилось больше времени, чем всем остальным передачам вместе взятым, – 57,1% от общего объема вещания. Помимо трансляции передач из Москвы и Хабаровска (центра Дальневосточного края до 20 октября 1938 г.) Приморское радио передавало ежедневно две литературные передачи и до десяти концертов. Литературной и музыкальной тематикой были пронизаны также детские передачи и национальное вещание [Гос. архив Прим. края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 170–171]. Китайский и корейский секторы Приморского радио имели свой небольшой оркестр, хор и солистов, иногда готовились драматические постановки, в которых участвовали артисты корейского и китайского театров, работавших во Владивостоке. Каждый последний четверг месяца Приморское радио передавало специальные музыкальные передачи для корейских рыбаков и шахтеров или китайских рабочих. В них включались инструментальные произведения (в том числе, русских композиторов), оркестровые попури, а также сольные и хоровые национальные песни, злободневные частушки или юморески [5, с. 107].

Массовые формы вещания с их эмоциональным зарядом были необходимы для сплочения советских людей и нацеливания их на практические дела по строительству новой жизни. Выполняя задачи политической агитации и пропаганды, новая система управления радиовещанием активно создавала рычаги манипулирования радиослушателями. Преподнося всю информацию о жизни в стране в нужном ключе, партия использовала способность радио влиять на сознание человека, делать его внушаемым и послушным, слепо доверяющим партии и правительству.

В соответствии с политическими кампаниями и идеологическими лозунгами в радиокомитеты рассылались всевозможные обязательные к исполнению директивы, которые касались всех передач, включая литературные и музыкальные. В середине 30-х гг. эти документы приняли угрожающий характер, что вполне соответствовало общей атмосфере в СССР той поры. Постановление «Об изменениях в программах радиовещания республиканских, краевых и областных радиокомитетов» (от 31 января 1935 г.), ставя в вину радиокомитетам «многочисленные факты вульгаризации и политических срывов в радиопередачах по литературному и драматическому вещанию», категорически запретило готовить на местах какие-либо радиокомпозиции, литературные монтажи и обзоры, посвященные политическим кампаниям. В соответствии с постановлением при председателе Всесоюзного радиокомитета создали программно-репертуарную комиссию для регулярного рассмотрения планов литературно-художественного вещания [3, с. 123].

Вскоре Москва окончательно перестала доверять региональному вещанию. Чтобы исключить прохождение в радиоэфире идеологически «неправильных» передач, при Управлении местного вещания Всесоюзного радиокомитета весной

1935 г. создали Главную редакцию микрофонных материалов. Ее задачами были подготовка, тиражирование и распространение по краевым и областным радиокомитетам текстов радиопередач, которые местные радиостанции должны были использовать в обязательном порядке. С февраля 1936 г. статус этой редакции повысился: она стала подчиняться непосредственно председателю Всесоюзного радиокомитета, после чего соотношение радиопередач кардинально изменилось в пользу программ, готовившихся в Москве. С мая 1936 г. в сетку передач центрального радиовещания были внесены ряд изменений, благодаря которым увеличилась продолжительность передач, транслировавшихся непосредственно из Москвы: в частности, в два раза чаще (два раза в шестидневку вместо одного) начали транслировать литературные передачи, доклады и выступления деятелей культуры и искусства.

Главным условием выживания в эти годы была способность своевременно подстроиться под директивные указания. Москва не спускала глаз с региональных комитетов, фиксируя, а то и выдумывая всевозможные «преступления». Заметки об этом регулярно появлялись в профессиональной прессе. «В целом ряде комитетов и крупнейших радиоузлов систематически срываются политические радиопередачи. Вражеские элементы все еще продолжают орудовать в радиовещании. Засоренность кадров в некоторых радиокомитетах и радиоузлах – факт неоспоримый, и это обстоятельство обязывает партийные организации и руководителей радиовещания принять самые срочные меры к очистке радиовещания от врагов и чужаков» [13, с. 3–4].

Наиболее уязвимым звеном радиовещания в эти годы, как ни парадоксально, стали музыкальные редакции. Статьи профессиональных журналов описывали случаи «преднамеренного вредительства» и «политического извращения», допускаемые в различных радиокомитетах: то после речи Сталина прозвучала песня «Замучен тяжелой неволей», то текст важной политической передачи проиллюстрировали частушками, то в концерте по заявкам после песни о родине поставили песню о каторжанах. Самый незначительный факт мог быть истолкован как «вражеские происки», а заголовки публикаций – «Очистить радиовещание от вражеских элементов», «Навести большевистский порядок в радиовещании» и т.п. – недвусмысленно говорили о том, как следовало поступать с «вредителями». Красноречивы строки одного из документов той поры: «Принять к сведению сообщение т. Керженцева о сокращении штатов ВРК (Всесоюзный радиокомитет – Н.Х.) на 25–30%...» [3].

Руководству Приморского радиокомитета приходилось проявлять особую бдительность в отношении содержания национальных передач. Старинные корейские народные песни «обвинялись» в том, что они «не отображают действительность жизни, а воспевают старое унижение, слезы, тоску и одиночество». Исторически сложившееся взаимовлияние корейской и японской музыкальных культур приводило к обвинениям музыкантов в шпионаже в пользу Японии. Для проверки репертуара художественно-музыкальных передач корейского сектора на «идеологическую и политическую выдержанность» был создан специальный комитет [5].

Нельзя отказать партийным деятелям в том внимании, которое они придавали использованию произведений литературы и музыки в передачах радио. Демонстрируя стремление донести высокое искусство до широких народных масс, они преследовали собственные цели – использовать ресурсы радио для манипуляции сознания советских людей и превращения их в послушных исполнителей воли партии. Охватив культурно-просветительской тематикой, самой привлекательной для радиослушателя, все возрастные категории населения и жанры радиовещания, государство сделало радио инструментом политического влияния на общество. В то же время наряду с идеологической функцией радио успешно выполняло и другую, культурно-просветительскую функцию. Несмотря на то, что жесткая централизация, идеологическое давление и цензурные требования ограничивали инициативу региональных радиокомитетов и творческие возможности радиожурналистов, в 1930-е гг. радио стало для советских людей главным источником знаний о культуре и искусстве.

1. Вдовина Е.А. Художественное радиовещание в отечественной культуре: традиции и современность // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. № 21 (312).
2. Власова Е.С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М.: Классика-XXI, 2010.
3. Горяева Т. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920–1930-х годах. Документированная история. – М.: РОССПЭН, 2009.
4. За высокое качество наших передач // Говорит СССР. 1934. №6.
5. Королева В.А. Корейская музыка в программах национального радиовещания на Дальнем Востоке России в 1926–1937 гг. [Электронный ресурс] // Корё Сарам: записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/korejskaya-muzyka-v-programmah-natsionalnogo-radioveshchaniya-na-dalнем-vostoke-rossii-v-1926-1937-gg/> (дата обращения 12.01.2019).
6. Керженцев П.М. Очередные задачи радиокомитетов // Говорит СССР. 1934. № 3.
7. Керженцев П.М. Задачи художественного вещания // Говорит СССР. 1934. № 9.
8. Керженцев П.М. Литературное вещание в 1933 году // Говорит СССР. 1934. № 1.
9. Керженцев П.М. Музыка как фактор воспитания и отдыха // Говорит СССР. 1934. № 9.
10. Мурашов Ю. Электрифицированное слово. Радио в советской литературе и культуре 1920–1930-х годов // Советская власть и медиа. СПб., 2006.
11. О радиофикации и радиовещании // Сб. постановлений. М., 1935.
12. Писатель и радио // Говорит СССР. 1934. № 19.
13. Правда. 1937. 22 июля.
14. Радио – на службу большевистской агитации // Радиофронт. 1937. № 18 (сент.).
15. Хисамутдинова Н.В. От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2016. № 1.
16. Собр. Хисамутдиновой. Воспоминания М.М. Волошиновой (1990).
17. Собр. Хисамутдиновой. Воспоминания Л.Н. Зельцмана (1981).
18. Собр. Хисамутдиновой. Воспоминания С.А. Иванова (1981).

Транслитерация

1. Vdovina E.A. Hudozhestvennoe radioveshchanie v otechestvennoj kul'ture: tradicii i sovremennost' // Vestn. SChelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. № 21 (312).

2. Vlasova E.S. 1948 god v sovetskoj muzyke. Dokumentirovannoe issledovanie. M.: Klassika-XXI, 2010.
3. Goryaeva T. Radio Rossii. Politicheskij kontrol' radioveshchaniya v 1920–1930-h godah. Dokumentirovannaya istoriya. – M.: ROSSPEN, 2009.
4. Za vysokoe kachestvo nashih peredach // Govorit SSSR. 1934. №6.
5. Koroleva V.A. Korejskaya muzyka v programmah nacional'nogo radioveshchaniya na Dal'nem Vostoke Rossii v 1926–1937 gg. [Elektronnyj resurs]// Koryo Saram: zapiski o korejcah. URL: <https://koryo-saram.ru/korejskaya-muzyka-v-programmah-natsionalnogo-radioveshchaniya-na-dalnem-vostoke-rossii-v-1926-1937-gg/> (data obrashcheniya: 12.01.2019).
6. Kerzhencev P.M. Ocherednye zadachi radiokomitetov // Govorit SSSR. 1934. № 3.
7. Kerzhencev P.M. Zadachi hudozhestvennogo veshchaniya // Govorit SSSR. 1934. № 9.
8. Kerzhencev P.M. Literaturnoe veshchanie v 1933 godu // Govorit SSSR. 1934. № 1.
9. Kerzhencev P.M. Muzyka kak faktor vospitaniya i otdyha // Govorit SSSR. 1934. № 9.
10. Murashov YU. Elektrificirovannoe slovo. Radio v sovetskoj literature i kul'ture 1920–1930-h godov // Sovetskaya vlast' i media. SPb., 2006.
11. O radiofikacii i radioveshchanii// Sb. postanovlenij. M., 1935.
12. Pisatel' i radio // Govorit SSSR. 1934. № 19.
13. Pravda. 1937. 22 iyulya.
14. Radio – na sluzhbu bol'shevistskoj agitacii // Radiofront. 1937. № 18 (cent.).
15. Hisamutdinova N.V. Ot «Proletradio» k regulyarnomu veshchaniyu. Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gos. un-ta ekonomiki i servisa. 2016. № 1.
16. Sobr. Hisamutdinovoj. Vospominaniya M.M. Voloshinovoj (1990).
17. Sobr. Hisamutdinovoj. Vospominaniya L.N. Zel'mana (1981).
18. Sobr. Hisamutdinovoj. Vospominaniya S.A. Ivanova (1981).

© Н.В. Хисамутдинова, 2019

Для цитирования: Хисамутдинова Н.В. Искусство – массам: роль радио в приобщении советского человека к литературе и искусству в 30-е гг. XX в. // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11, № 2. С. 178–187.

For citation: Khisamutdinova N.V. Art to Popular Masses: Role of Radio in Art and Literature Promotion to Soviet People in the 1930s, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2019, Vol. 11, № 2, pp. 178–187.

DOI [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-2/178-187](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2019-2/178-187)

Дата поступления: 03.06.2019.